

УДК 82.97+821.161.1
ББК
82.3(2)+83.3(2Рос=Рус)52

МЫШЬ И ИКОНА: К ПРОБЛЕМЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ КОРНЕЙ ПОЭТИКИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

© 2020 г. С.В. Алпатов

*Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 20 августа 2019 г.

Дата публикации: 25 марта 2020 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-272-287

Аннотация: В статье обсуждается известный эпизод романа Ф.М. Достоевского «Бесы», в котором акт помещения мыши в киот иконы называется хроникером «бессмысленным, глумительным кощунством». В отличие от очевидной сюжетной функции — символически обозначить череду грядущих катастроф, — внутренний семантический механизм кощунства остается не раскрытым ни в тексте романа, ни в исследованиях, ему посвященных. В составе следственных дел Тайной канцелярии и Священного Синода первой половины XVIII в. обнаружены документы, позволившие установить такие фольклорно-этнографические параллели к анализируемому мотиву, как магические обряды изгнания мышей, скоморошья представления с дрессированными грызунами, а также плясовые песни свадебно-эротической тематики, которые в сумме образуют функционально-семантическое поле кощунственных игр и антиповедения, охватывавшее не только профессиональных игроков или рядовых членов крестьянского социума, но и представителей духовенства. Сверх того, обнаруживаются характерные соответствия между механизмами построения письменных доносов и устных свидетельств в следственных делах о богохульстве XVIII в. и принципами организации повествования от лица хроникера в «авантюрно-криминальном» слое поэтики романа Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, «Бесы», русский фольклор и литература XVIII–XIX вв., кощунство, скоморошество.

Информация об авторе: Сергей Викторович Алпатов — доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, 119991 г. Москва, Россия. ORCID ID: 0000-0003-2525-0287

E-mail: alpserg@gmail.com

Для цитирования: Алпатов С.В. Мышь и икона: к проблеме фольклорных корней поэтики Ф.М. Достоевского // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 1. С. 272–287.
DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-272-287

THE MOUSE AND THE ICON: ON THE ETHNOGRAPHIC ROOTS OF DOSTOEVSKY'S POETICS

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2020. S.V. Alpatov

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

Received: August 20, 2019

Date of publication: March 25, 2020

Abstract: The article focuses on a well-known episode of the novel by Dostoevsky *Demons* where the narrator calls placing the mouse in the icon case “a senseless, mocking blasphemy.” Unlike the obvious narrative function – to symbolize a series of coming catastrophes – internal semantic mechanism of blasphemy remains unsolved in the text of the novel and in the studies devoted to it. Several documents were discovered inside the investigation cases of the Secret Chancellery and the Holy Synod of the 18th century, which allow us to trace such ethnographic parallels to this motif as rites of exorcising mice, circus performances with trained mice as well as dance songs with wedding or erotic theme, which form the functional and semantic sphere of blasphemous games and anti-behavior expressed by professional jesters, peasants, and clergymen. Moreover, the article reveals important correlation between the mechanisms behind the written and oral denunciations of blasphemy in the investigation trials of the 18th century and the principles of storytelling on the level of the “crime” plotline of Dostoevsky’s novel.

Keywords: Dostoevsky, *Demons*, Russian folklore and literature of the 18th–19th centuries, blasphemy, buffoonery.

Information about the author: Sergey V. Alpatov, DSc in Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory 1, 119991 Moscow, Russia. ORCID ID: 0000-0003-2525-0287

E-mail: alpserg@gmail.com

For citation: Alpatov S.V. The Mouse and the Icon: on the Ethnographic Roots of Dostoevsky’s Poetics. *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no 1, pp. 272–287. (In Russ.)

DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-272-287

Известный эпизод романа Ф.М. Достоевского «Бесы», в котором в разбитый и ограбленный киот иконы посажена живая мышь, представляет собой нарративный синтез личных наблюдений повествователя и сведений, полученных им от других лиц. Хроникер вводит данный «случай» в свой рассказ в ряду других «шалостей уже нестерпимых, с известным оттенком» (следом за казусом с подброшенными книгоноше порнографическими карточками) и в связи с фигурами «плута Лямшина»¹ и каторжного Федыки, задавая двойную хронологическую и мотивационную перспективу — на момент события, когда очевиден факт, но более ничего не известно, и ретроспективно, в свете «достоверных последующих сведений»: «Положительно известно теперь, четыре месяца спустя, что преступление совершено было каторжным Федыкой, но почему-то прибавляют тут и участие Лямшина. Тогда никто не говорил о Лямшине и совсем не подозревали его, а теперь все утверждают, что это он впустил тогда мышь» [13, с. 304–305].

Следует отметить, что модальная рамка известия о «безобразном и возмутительном кощунстве» отчетливо ранжирует святотатство (обдирание драгоценностей с иконной ризы) и собственно богохульство (совмещение мыши и иконы): «...главное в том, что кроме кражи совершено было бессмысленное, глумительное кощунство» [13, с. 305]. Декларативно заданная шкала грехов получает дополнительную мотивировку в следующем эпизоде романа, где каторжный Федыка, ссылаясь на легенду о купце, снявшем ризу с иконы, противопоставляет свое постыдное (но чуть ли не богобоязненное) святотатство — бесстыдному кощунству

¹ Стоит учесть и данную ранее хроникером характеристику «жидок Лямшин», латентно формирующую инородческий контекст для интерпретации происходящего.

Петра Верховенского: «А ты пустил мышь, значит, надругался над самым божим перстом» [13, с. 522]².

Очевидный героям романа (равно как и его читателям³) провокационный посыл и символический характер акта не снимает вопроса о семантической структуре «глумительного кощунства»: в романе нет прямого и внятного объяснения, чем именно бегающая в киоте мышь оскорбляет икону и ее первообраз. Обращавшиеся к данной проблеме исследователи определяли сюжетный смысл эпизода как вопиющую «дерзость», подвергающую сомнению существование Бога и символически открывающую череду последующих романских катастроф [15, с. 245–249], однако знаковая природа данного кощунства до сих пор последовательно не рассматривалась⁴. Как кажется, это отчасти обусловлено тем, что поиски интерпретаций символического акта велись исключительно в пределах художественного мира Достоевского, тогда как причины *очевидности* кощунства следует искать в области фольклорного (*общеизвестного* и *общепонятного* — в структурном и функциональном смысле), причем не только в сфере народного религиозного дискурса, но и в зоне «бытового глума», а также в области архетипических образов и символов, связующих авторское сознание и коллективное бессознательное⁵.

Последний из указанных аспектов разработан достаточно подробно. В мифопоэтических представлениях славян хтоническая природа и симво-

2 Попутно отметим, что слова Федьки могут быть поняты так, что Петр Степанович выступил не только как идеолог и организатор богохульной акции (а Федька и Лямшин как исполнители), но и как непосредственный участник, лично пустивший грызуна в разбитый киот.

3 Так, Н.К. Михайловский в статье «Литературные и журнальные заметки» (Отечественные записки. 1873. № 2. Отд. 2. С. 317–343) прямо возвращал Ф.М. Достоевскому его образ в качестве контраргумента, утверждая, что называть русский этнос единственным народом-богоносцем значит «дерзать» не меньше, чем «пустить мышь в киоту». См. подробнее: [13, с. 781].

4 Среди разрозненных и повторяющих друг друга частных наблюдений по интересующей нас проблеме следует выделить указания на «мышиную суету» как базовую характеристику повседневной коммуникации в недрах Петербурга Достоевского; самоидентификацию героя «Записок из подполья» как «усиленно сознающей мыши», нагородившей вокруг себя непроходимую кучу интеллектуальных и эмоциональных «гадостей»; мышь во сне Свидригайлова; гротескный диалог в рассказе «Бобок»: «Шпага, сударь, есть честь! — Шпагой вашей мышей колоты!» [14, с. 63].

5 О поэтических принципах преобразования фольклорного материала в художественную ткань произведений Ф.М. Достоевского см. подробнее в работах В.А. Михнюкевича [16] и В.П. Владимирцева [8].

лическая нечистота мышей и крыс мотивирована их средой обитания (подземелье), способом добывания пищи (кража, порча целого). Мышиные хороводы и свист интерпретируются как травестирование «небесных глаголов»⁶. Дьявольская природа грызунов отражена в этиологических легендах: мыши произошли от черта, лопнувшего от запаха ладана; дьявол в облике мыши прогрыз дыру в Ноевом ковчеге [11, с. 403–406; 23, с. 272–283]. Опираясь на такие архетипические характеристики образа мыши, как «гадкое животное» и «ипостась дьявола», следует искать внутри славянских и близких им этнических традиций и более конкретные культурные знаки — символические действия с грызунами, опознаваемые носителями традиционной культуры как кощунство.

В связи с необходимостью *идентификации* символического жеста как *богохульства* следует особо указать на наличие в художественной структуре «Бесов» специфических приемов конструирования «очевидности», сходных с техникой формирования «достоверности» в фольклорных несказочных нарративах. Уже не раз отмечалось, что хроникер в «Бесах» выступает не просто как свидетель событий, но как проводник идей и чувств других персонажей [24]. При этом в структуре несобственно прямой речи повествователя происходит совмещение разных психологических и идеологических точек зрения, так что скрытые движения сердца и ума других героев не только оказываются непосредственно доступны читателю, но и приобретают специфическую эмоциональную и идеологическую окраску, привнесенную рассказчиком и, сверх того, оснащаются мнениями и оценками окружающих [5, с. 266–267]. Распределенные между многими и тем самым обезличенные «общее» знание и «общая» психоэтическая реакция транслируют читателю некую усредненную «правду», убедительную жизнеподобием деталей и сомнительную своей общедоступностью⁷.

6 Ср. литературные и фольклорные анекдоты XIX–XX вв. о том, как шут Балакирев выпустил мышонка под руку Петра I, в результате чего тот заливает чернилами, а затем и отменяет грозный приговор лукавому сенатору [18, с. 82–83; 26, с. 65–69].

7 Ср. содержащееся в варианте главы «У Тихона» по списку А.Г. Достоевской двойственное указание хроникера: «...весь документ в то же время есть нечто буйное и азартное, хотя и написан, по-видимому, с другою целию. А кто знает, может быть, всё это, то есть эти листки с предназначенною им публикацией, опять-таки не что иное, как то же самое прикушенное губернаторское ухо в другом только виде? Я и не привожу доказательств и вовсе не утверждаю, что документ фальшивый, то есть совершенно выдуманный и сочиненный. Вероятнее всего, что правды надо искать где-нибудь в середине...» [13, с. 760].

Сказанное побуждает обратиться к материалам следственных дел XVIII в. о богохульстве, в которых репрезентирован в *плане содержания* сложный конгломерат сектантской идеологии, народных магических практик и «шалберной» традиции бытового глума, а в *плане формы* — разножанровый комплекс доносов, «расспросных речей», экстрактов и отписок [21], что позволяет рассматривать данный полиморфный дискурс как типологический эквивалент идейно-стилевой амальгамы романа Достоевского.

Непосредственным материалом для анализа стали следственные документы Святейшего Синода⁸, рассматривавшего в августе 1728 г. донос воронежского священника Саввы Дугина на поповского старосту Никиту Комягина, обвиненного в незаконных денежных поборах и неблагочестивом бытовом поведении.

Подследственные были переданы в Синод из Преображенского Приказа, где ранее (с июня по июль 1728 г.) разбирались политические аспекты других «доношений» Дугина [27]. В пространной рукописи «Книга известительной доклад» и иных доносах воронежский правдолюбец вольно компилировал речевые жанры библейского комментария⁹, вещих снов и видений [3], уставных указаний¹⁰, социальной критики¹¹ и

8 Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург). Ф. 796. Оп. 9. Ед. хр. 498. 1728 г. 2 л. Сердечно благодарю С.М. Шамина, обратившего мое внимание на данный материал и любезно предоставившего копии архивных документов для исследования.

9 «И положи Бог главу у человека выше всего тела для того, что в нем имеетца живая душа. И очи в главе утвердил среди главы, да взирает ими и видит красоту небесную, какова светло солнце и месяц, и звезды, и облаки, и молнии, и воздуха, и птицы, и дерева, и цветение. Также и на землю взирает и видит, какова скаредна земля, и на ней всякого гноя, и кала, и скорпиев, змиев, ящериц, жабов различных, скаредно вонючих червей, клопов, блох и всякой гнусности. Потом и в самого человека положил скареду от пищи и в красном лице, кашленьи, храки и прочая, дабы человек не гордился. Поминал бы себя, смиряя, яко же преславный царь и пророк Давид разумел и смирял себя, и называл червь, а не человек, и блохою, но стыдился положенной на нем царской чести» [27, с. 132]. Ср. «И возопи Давид: и ныне ты, Царю Израилев, вслед кого исходиши? Кого ты гониши? Вслед ли пса умерша и вслед блохи единыя?» (1 Цар. 24: 15).

10 «И запрещать, дабы отнюдь в церквах в два голоса не читали бы. И нотные тропари и стихеры велено по уставу распевать с написанным. Гласа отнюдь бы говорком не читали и службу церковную в крайней мудрости и вежестве производили неленосно» [27, с. 138].

11 «От духовного и мирского чина говорят безумные слова, а Иисусовы молитвы и Богородице многие и назвать не знают. А только по всякой речи приговорают к человеку и скоту: «Пострел избеи, поди к чорту, лихой возми, лихаратка стреси, собачей сын, гром убей и расстрели пострелом» [27, с. 120]; «О гражданских <...> многих напрасно бьют без милости плетми, ботожьем и говорят: “Бей мужика гораздо, мужик де не боится креста, боится пестя”» [27, с. 124].

персональных инвектив этического, политического или уголовного характера¹². В соответствии с пунктами дугинских «доношений» в следственное дело Тайной канцелярии легли показания названных им лиц, в свою очередь обличавших «оного попа Дугина продерзости» [27, с. 99]¹³.

Проведенное Синодом дополнительное расследование выдвинутых Дугиным против Никиты Комягина обвинений в корыстолюбии, небрежении пастырскими обязанностями и неблагочестии выявило новые подробности:

«Оный Комягин имел при себѣ скомороховъ и творил необычайно с ними на соблазнъ народу, а имянно в Соколском в уѣзде в селѣ Кузминке в доме попа Василия Иванова скоморохом плесал и посвистовал и сквернословные речи говорил. Также мышей ловил и ход чинил к церкви своей до погосту. И из своих рукъ мышей пускал и сабаками травилъ. (1 об.) А скоморохи Никифор Васильевъ, Емельян Слепой в трубки перед ним играли и тайныи уди свои оказывали и в горнице у него друг на друга сцали. А попы которые для архиерѣвских дѣлъ или платежа денегъ приѣдут, то ими ругались, под задней проход подкапывали¹⁴, а имянно села Богоявленского попа Павла Никифорова, и прочие неподобные дела творили, и о таких ево действиях города Соколска грацские и уѣздные попы и мирские люди подавали в архиерѣвскомъ

12 «А где у церкви имеетца два или три священника, то истинно не лгу, что в ризах церковных в церкви про блины и пироги дерутца за волосы друг друга, и запорками церковными, и кричат короулы. А ежели со святынею в мире бывают, так же чинят. А имянно в Липских заводах у Рождественской да у Дмитриевской церквах попы Ефим да Иван, Василей да Иван» [27, с. 122]. Ср. стихотворную сатиру «О дяконовой кутье и поминке» [12, с. 205–207], а также анекдотический сюжет СУС –1791А* *Не поделили*, где дякон и дячок, не поделив собранные в пасхальный обход яйца, топчут дары прихожан ногами, а в изумлении наблюдающий «пляску» священник присвистывает: «Вот тебе и кулич с яйцами».

13 Например, когда для вызова Дугина на святительский суд были посланы двое архиерейских служек: «И он же, поп, указу учинился противен. И их, посланных, бил дубьем и обухами и хотел резать ножем. И поподья ево колола их рогочем и рубила косырем. И избив, с двора своего он, поп Савва, полил по ним из ружья» [27, с. 143].

14 В современном русском языке просторечное выражение «копнуть под зад» сохраняет как прямое, так и переносное значение — «дать пенделя», «выгнать пинком под зад»: «Но мне однозначно хотелось бы дать такому товарищу в рыло, а потом копнуть под зад. Идиот вдвойне, что тут ещё сказать» [URL: http://helpster.ru/page.php?id_n=94634 (дата обращения: 17.08.2019)]; «Не постановление нужно, а копнуть под зад этих горе-чиновников» [URL: <https://ua-reporter.com/.../v-uzhgorode-patrulnaya-policiya-nashla-durakov-i-plohie-..> (дата обращения: 17.08.2019)].

духовном приказе извѣстие, и тому попу Комягину вопросовъ и указов не учинено»¹⁵.

Прежде всего рассмотрим нарративную структуру доноса. Обвинение базируется на утверждении, что поповский староста регулярно «имел при себѣ скомороховъ». При этом сам факт «корпоративного» отдыха благочинного с профессиональными игроками кажется для доносчика рутинным, но именно комягинские досуги в его изложении выглядят из ряда вон выходящими: и сам Комягин скоморошым манером плясал вприсядку, свистал, сквернословил¹⁶, и скоморохи при нем «тайныи уди свои оказывали и друг на друга сцали». Сгущая краски, доносчик не сомневается, что в глазах следствия личное беспутство благочинного на фоне разнузданной игры скоморохов в доме подчиненного священника будет выглядеть втрое не пристойным.

Вопиющее непотребство описанного действия несколько теряло свою остроту в свете других известных следствию, да и самому доносчику случаев антиповедения. В качестве примера укажем ранее (первой половины XVII в.) описание Иваном Нероновым святочных потех в палатах вологодского архиерея [20, с. 433]¹⁷, а также свидетельство самого Саввы Дугина: «В доме Рязанском архиерейском суди иеромонах Григорей, другой иеромонах Иосиф, иеродиакон Климон, иконом. Оставя свою церковную службу, служат чреву своему. А именно по вся дни с полудня собираютца и в свои приготовленные на то боробаны бьют, во влечи и во всякую музыку играют. Напив пьяни, и пьяных баб за собою по архиерейскому дому водят. Играют необычно, якоже и скамарохи. А носят платья чернеческая. И нынешнею прошедшею зиму едва не по вся дни то чинили до полуночи или болше» [27, с. 117]¹⁸.

Свои обвинения в адрес Комягина Дугин подкрепляет, с одной стороны, ссылками на широкую известность соблазнительного поведения бла-

15 РГИА. Ф. 796. Оп. 9. Ед. хр. 498. Л. 1–1 об.

16 Ср. ответные показания Комягина: «скоморохомъ не плясывал и не посвистовалъ и не приседал и сквернословных рѣчей не говаривалъ» (РГИА. Ф. 796. Оп. 9. Ед. хр. 498. Л. 2).

17 Ср. «всякое бесовско козлогласующе и объявляюще срамныя уды» (Нижний Новгород, 1636) [20, с. 56].

18 Ср. изъятие и уничтожение «скомрашеских игр» — гуслей, гудков, волюнок, домр, балалаек, свирелей, а также вина, табака, карт и шахмат — в Александро-Свирском монастыре (1719) [20, с. 420]. Как диагностический контекст следует рассматривать и принадлежащую репертуару мужского «корпоративного» досуга скоморошину Кириши Данилова «Стать почитать, стать сказывать», включающую в равных долях скабрезные и антиклерикальные мотивы.

гочинного «города Соколска грацским и уѣздным попам и мирским людям», а также в «архиерѣскомъ духовномъ приказе», а с другой стороны, указаниями на конкретные обстоятельства шалберных выходов, при которых доносчик присутствовал лично или о которых слышал из первых уст: «а имянно в Соколском в уѣзде в селѣ Кузминке в доме попа Василя Иванова...»¹⁹; «которые ради платежа денегъ приѣдут, то ими ругались, под задней проход подкапывали, а имянно села Богоявленского попа Павла Никифорова».

Обратимся непосредственно к интерпретации знаковой природы акций Никиты Комягина с грызунами: «также мышей ловил и ход чинил к церкви своей до погосту. И из своих рукъ мышей пускал и сабаками травилъ».

С одной стороны, травля отловленных мышей собаками могла быть продолжением общей развлекательной программы, поскольку в скomorошьих представлениях участвовали не только крупные звери («медвежья потеха»), но и разнообразные мелкие животные²⁰, в том числе мыши и крысы²¹.

С другой стороны, в целом ряде плясовых и шуточных песен Поволжья и Юга России тема циркового представления с канатоходцами и дрессированными грызунами оказывается тесно связанной с мотивами травестированной инородческой свадьбы (реже — похорон). Так в казанском варианте плясовой песни «крысин господин по канату выходил» и спрашивал, зачем крысу забили и отвезли в мясной ряд, ведь никто не торгует «беду, чего нет хуже в торгу»? Тем не менее находится покупатель-татарин, поясняющий, зачем ему крыса: «задние ноги — сына женить; передние ноги — дочь отдавать; голый хвост — на великий пост» [7, с. 371–372]; в уфимском варианте: «мне не сына женить, не дочь отдавать — отца-мать поминать» [7, с. 372–373]²².

В этой связи следует учесть пародийные «свадебные хороводы» и «моления в поле» у южных удмуртов — *шыр-сюан* (букв. — «мышиная

19 Савва Дугин — сам уроженец села Кузьминки, унаследовал отцовское и дедовское место в клире церкви Покрова Пресвятой Богородицы Рязанской епархии.

20 Ср.: «медвечки с медведями и плясовыми псами» (Нижний Новгород, 1636), «медведи водят и с собаками пляшут» (Белгород, 1648), «медведей бы не водили и с сучками не плясали» (Дмитров, 1648), «с медведями и с малыми собачками не ходили б» (Углич, 1652) [20, с. 57, 64, 67, 77]. См. также отечественные и европейские цирковые компоненты досуга Алексея Михайловича в 1630–1670-х гг.: музыка, пляска, звериная потеха, карлы, шуты, канатоходцы, жонглеры [28].

21 См. повесть В.Я. Шишкова «Бродячий цирк» (1929) [29, с. 348–381].

22 См. также контаминированный вариант в составе детской потешки «Блошка банюшку топила», записанной в 1936 г. в с. Нижне-Турово Нижегородского района Воронежской области от К.М. Колтаковой (1867 г.р.) [19, с. 184].

свадьба»), где образ мыши выступает метафорической заменой vulva [9, с. 155], а также большую группу польских, литовских и восточнославянских игровых (колядных, свадебных, шуточных, плясовых) текстов эротической тематики с мотивом «черный баран убегает в мышиную норку» [17, с. 196]. Выявленные ритуально-игровые контексты «мышинных» свадеб, похорон, молений об урожае возвращают нас к существовавшей в древнегреческой мифопоэтической традиции пародийной взаимосвязи мышей и мистерий, в частности ассоциации богини подземного царства Персефоны и «мышинных нор», метафорически обозначавших в текстах античной обрядовой лирики женские половые органы [10, с. 16]²³.

Кроме того, народный термин «мышинная свадьба» известен в качестве названия болгарских ритуалов изгнания мышей, принадлежащих к обширному классу славянских обрядов «проводов на свадьбу» либо «похорон» гадов и насекомых, при которых домохозяйка своими руками и сопутствующими приговорами выдворяют поганых «соседей» [1; 11, с. 407–416]²⁴. В этой связи собственноручно устраиваемый Никитой Комягиным «мышинный ход к церкви на погост» может интерпретироваться как сезонный обряд очищения дома от грызунов, контаминированный в структуре доноса с досуговой травлей мышей собаками.

Наконец, образ мышинной погребальной процессии в следственном деле 1728 г. закономерно приводит на ум отечественные лубочные картинки «Мыши kota на погост волокут» («балагурная с оттенком непристойности» рязанско-московская редакция рубежа XVII–XVIII вв.²⁵) и «Мыши kota погребают» (редакция 1730-х гг., абсорбировавшая лексику и исторические реалии петровской эпохи), вошедшие в канон демократической сатиры раннего Нового времени [2]²⁶.

23 Ср. сказочный сюжет ATU 1686 The Wedding night; см. также мифологический мотив F9E. Мыши в вагине — *Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <http://ruthenia.ru/folklore/berezkin/f9e.html> (дата обращения: 12.08.2019).

24 Ср. также грузинский обычай изгнания мышей из дома, аналогичный обряду изгнания швота у армян: «Мышка, мышка, во двор уходи; ангел, в дом иди» [25, с. 48].

25 Ср. характеристики персонажей: «мыши с Резани, а прозванием они Макары», «Емелька-гробьяк с Покровки», «с Покровки татарский поп безграмотный Колотило».

26 Ср. «зверинный код» небылиц сюжетного типа ATU 1930 *Schlaraffenland*, а также сказки о животных СУС = ATU 113* *Похороны kota*; СУС –217А* *Кот и мышинная свадьба*.

Суммируя сказанное, можно констатировать, что с формальной точки зрения донос священника Саввы Дугина на поповского старосту Никиту Комягина компилирует прямые указания на бесстыдное скоморшьё поведение благочинного и косвенные аллюзии на такие известные (и землякам Дугина, и столичным следователям) формы отечественного дотеатрально-игрового дискурса, как цирковые кунштюки с грызунами, обряды изгнания мышей, эротические плясовые песни и сатирические лубочные картинки. При этом убедительность доноса обеспечивается как апелляцией к общеизвестности такого рода «антиповедения» и «антикестов»²⁷, так и демонстрацией ярких «этнографических» деталей и выразительных фольклорных топосов (типа «подкопывать под задний проход»). Тем самым доносчик выступает одновременно и как свидетель реальных преступлений против общественной нравственности, и как транслятор стереотипных форм общинной критики²⁸.

Сходным образом Ф.М. Достоевский, стремясь минимизировать прямые идейные мотивировки сюжета («писать одни факты») и одновременно усилить действие косвенных модальных характеристик («писать в смысле *говорят*»), в анализируемых эпизодах «Бесов» устами хроникера представляет не связное изложение случившегося, но сжатый конспект событий, оснащенный вместе с тем аллюзиями на прецедентные контексты кощунственного антиповедения, известные в равной мере и персонажам русского романа, и российским читателям середины XIX столетия²⁹.

Привлекая для интерпретации романной символической коллизии «мышь и икона» ряд обозначенных выше скоморшьих (и — шире — фольклорных) контекстов XVIII–XIX вв., уходящих корнями в дохристианскую мифопоэтическую традицию, можно сформулировать два семантических ключа к загадке «глумительного кощунства». Во-первых, это вульгарное сопряжение образа Небесной Владычицы и Приснодевы с земляным,

27 О степени вовлеченности приходского священства в круг хозяйственной, календарно-обрядовой и повседневной коммуникации общины см. подробнее [6].

28 Ср. в этой связи использование формул следственного протокола в упомянутой выше рукописной сатире первой половины XVIII в. «О дьяконовой поминке и о кутии»: «употребление разговорной частицы «де», свойственной косвенной речи деловых бумаг, говорит о наличии рассказчика и позволяет увидеть в рассматриваемом тексте черты пародии на деловые документы — шуточный донос на нерадивых служителей церкви» [12, с. 206].

29 О типах кощунственных действий с иконами в русской этноконфессиональной традиции см. подробнее в работах Д.И. Антонова [4].

портящим, гадящим, суетящимся, сексуально маркированным зверьком. Во-вторых, это травестия церковной ограды в арену цирка, поляну бесовских игрищ, место языческих обрядов и тем самым уничтожение державной Божественной длани («перста», «шпаги», «стопы»)³⁰.

Особо отметим тот факт, что Савва Дугин, конструируя свой донос, умышленно концентрировал крамольные факты, оснащал нарратив знакомыми деталями, но оставлял на усмотрение следствия квалификацию преступлений поповского старосты Никиты Комягина как бытовых, служебных или духовных. Так же и автор «Бесов», включив в рассказ хроникера отчетливые символические улики «возмутительного кощунства», оставляет окончательную идентификацию происшествия — как корыстного грабежа и интеллектуального хулиганства, либо как жеста пьяного дебоша и подзаборного глума, либо как акта идейного атеизма и открытого богохульства — на усмотрение каждого из героев (а равно и читателей), реализуя ключевое свойство криминального сюжета: лишать персонажей устойчивых социальных контекстов, провоцировать на спонтанные реакции и выявлять тем самым их глубинный человеческий потенциал [5, с. 118].

В этом плане закономерно, что на протяжении всего романа «мышинное» кощунство выступает актом очевидно «глумительным», но столь же очевидно «бессмысленным» — не имеющим единственного значения или готового объяснения, требующим личного интерпретирующего высказывания, которое, кстати сказать, в романе позволяет себе один каторжный Федька на фоне выразительно молчащего народа либо перешептывающейся по углам публики.

Тем самым сопряжение мыши и иконы остается в художественной конструкции «Бесов» метафизическим намеком, знаком с широким кругом кощунственных ассоциаций, символическим ключом ко множеству культурных контекстов, но символом до конца не реализованным — грехом несознанным и неисповеданным, что и позволяет провокаторам (как *персонажам*, так и самому *автору*) сформировать идейную почву и психологическую атмосферу томительного ожидания грозной катастрофы.

30 См. наблюдения В.Н. Топорова над мышинной темой «вырожденных» вариантов «основного индоевропейского мифа» [23, с. 274–287]. Ср. также реплику лесковского отца Флавиана из финальной главы рассказа «Железная воля»: «На что я стар — и зубов нет, и ножки пухнут, так что мышей не топчу...».

Список литературы

- 1 *Агапкина Т.А.* Мотив приглашения на свадьбу в славянских заговорах // Живая старина. 2008. № 2. С. 21–23.
- 2 *Алексеева М.А.* Гравюра на дереве «Мыши kota на погост волокут» — памятник русского народного творчества конца XVII — начала XVIII в. // XVIII век. Л.: Наука, 1983. Сб. 14. С. 45–79.
- 3 *Аллатов С.В.* Фольклорные и литературные компоненты видений священника С.И. Дугина // Вестник церковной истории. 2019. № 1/2 (53/54). С. 221–227.
- 4 *Антонов Д.И.* У святых очи вертел? Фигуры без глаз на русских миниатюрах // Сила взгляда: глаза в мифологии и иконографии. М.: РГГУ, 2014. С. 14–42.
- 5 *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. 800 с.
- 6 *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб.: СПбГУ, 2005. 311 с.
- 7 *Великорусские народные песни: в 7 т. / изд. А.И. Соболевским.* СПб.: Гос. тип., 1902. Т. 7. 708 с.
- 8 *Владимирцев В.П.* Достоевский народный: Ф.. Достоевский и русская этнологическая культура: Статьи. Очерки. Этюды. Комплекс историко-литературоведческих исследований. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 2007. 459 с.
- 9 *Владыкина Т.Г., Глухова Г.А., Панина Т.И.* Удмуртский народный календарь и сельский социум // Научный диалог. 2017. № 10. С. 149–169.
- 10 *Гринцер Н.П.* «Мышиные таинства»: шутка или правда? // Кентавр / Centaurus. *Studia classica et mediaevalia.* М.: РГГУ, 2004. С. 11–26.
- 11 *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- 12 *Демкова Н.С.* Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. СПб.: СПбГУ, 1997. 220 с.
- 13 *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1990. Т. 7. 848 с.
- 14 *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1873. VI. Бобок // *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 15 т. СПб.: Наука, 1994. Т. 12. С. 49–64.
- 15 *Лепяхин В.* Икона в творчестве Достоевского («Братья Карамазовы», «Кроткая», «Бесы», «Подросток», «Идиот») // Достоевский. Исследования и материалы. СПб.: Наука, 2000. Т. 15. С. 237–263.
- 16 *Михнюкевич В.А.* Русский фольклор в художественной системе Ф.М. Достоевского. Челябинск: Изд-во Челябинского ун-та, 1994. 313 с.
- 17 *Морозов И.А.* Женитьба добра молодца. М.: Лабиринт, 1998. 352 с.
- 18 *Петр I.* Предания, легенды, сказки и анекдоты / сост., вступит. ст., подгот. текстов и коммент. И.Н. Райковой. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1993. 224 с.
- 19 *Сказки и песни Черноземного края России. Материалы фольклорной экспедиции 1936 года, записанные в Воронежской и Курской областях / сост. Т.Ф. Пухова.* Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2006. 264 с.

- 20 Скоморохи в памятниках письменности / сост. З.И. Власова, Е.П. Фрэнсис. СПб.: Нестор-История, 2007. 680 с.
- 21 *Смилянская Е.Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М.: Индрик, 2003. 462 с.
- 22 СУС — Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.
- 23 *Топоров В.Н.* «Музы»: соображения об имени и предыстории образа // Из работ московского семиотического круга. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 257–299.
- 24 *Туниманов В.А.* Рассказчик в «Бесах» Достоевского // Исследования по поэтике и стилистике. Л.: Наука, 1972. С. 87–162.
- 25 *Харатян З.В.* Культурные мотивы семейных обычаев и обрядов у армян // Армянская этнография и фольклор: материалы и исследования. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1989. Вып. 17. 198 с.
- 26 Царский шут Балакирев. Его проделки и забавы / сост. Е.В. Анисимов. Л.: Лениздат, 1990. 190 с.
- 27 *Шамин С.М.* «Доношения» воронежского священника Саввы Ивановича Дугина в документах Тайной канцелярии // Вестник церковной истории. 2015. № 3/4 (39/40). С. 97–147.
- 28 *Шамин С.М.* Цирк царевича Алексея Михайловича // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2016. № 2 (20). С. 136–151.
- 29 *Шишков В.Я.* Хреновинка. Шутейные рассказы и повести. Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1996. 384 с.
- 30 ATU — *Uther H.-J.* The Types of International Folktales. Helsinki: Suomal. tiedeakat, 2004. Vol. I-III.

References

- 1 Agapkina T.A. Motiv priglaseniia na svad'bu v slavianskikh zagovorakh [The Motif of a Wedding Invitation in Slavic Charms]. *Zhivaia starina*, 2008, vol. 2, pp. 21–23. (In Russ.)
- 2 Alekseeva M.A. Graviura na dereve “Myshi kota na pogost volokut” — pamiatnik russkogo narodnogo tvorchestva kontsa XVII — nachala XVIII v. [Wood Engraving “Mice Drag a Cat to a Graveyard” as a Monument of Russian Folk Art of the Late 17th — Early 18th Centuries]. *XVIII vek* [18th Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, vol. 14, pp. 45–79. (In Russ.)
- 3 Alpatov S.V. Fol'klornye i literaturnye komponenty videnii sviashchennika S.I. Dugina [Folklore and Literary Components of Visions of the Priest S.I. Dugin]. *Vestnik tserkovnoi istorii*, 2019, vol. 1/2 (53/54), pp. 221–227. (In Russ.)
- 4 Antonov D.I. U sviatykh ochi vertel? Figury bez glaz na russkikh miniaturakh [Have you Erased the Saints' Eyes? Figures Without Eyes in Russian Miniatures]. *Sila*

- vzgliada: glaza v mifologii i ikonografii [The Strength of Sight: Eyes in Mythology and Iconography]. Moscow, RSUH Publ., pp. 14–42. (In Russ.)
- 5 Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.] Moscow, Russkie slovari. Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002. Vol. 6. 800 p. (In Russ.)
- 6 Bernshtam T.A. *Prihodskaja zhizn' russkoi derevni: Oчерki po tserkovnoi etnografii* [Parish Life of a Russian Village: Essays on Church Ethnography]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2005. 311 p. (In Russ.)
- 7 *Velikorusskie narodnye pesni: v 7 t.* [Russian Folk Songs: in 7 vols.], Published by A.I. Sobolevskii. St. Petersburg, Gosudarstvennaia tipografiia Publ., 1902. Vol. 7. 708 p. (In Russ.)
- 8 Vladimirtsev V.P. *Dostoevskii narodnyi: F.M. Dostoevskii i russkaia etnologicheskaia kul'tura: Chtat'i. Oчерki. Etiudy. Kompleks istoriko-literaturovedcheskikh issledovanii* [Dostoevsky and Folk: F.M. Dostoevsky and Russian Ethnological Culture: Articles. Essays. Etudes. A Complex of Historical and Literary Studies]. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta Publ., 2007. 459 p. (In Russ.)
- 9 Vladykina T.G., Glukhova G.A., Panina T.I. Udmurtskii narodnyi kalendar' i sel'skii sotsium [Udmurt Folk Calendar and Rural Society]. *Nauchnyi dialog*, 2017, vol. 10, pp. 149–169. (In Russ.)
- 10 Grintser N.P. “Myshinye tainstva”: shutka ili pravda? [Mouse Sacraments: a Joke or the Truth?]. *Kentavr / Centaurus. Studia classica et mediaevalia*. Moscow, RGGU Publ., 2004, pp. 11–26. (In Russ.)
- 11 Gura A.V. *Simvolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii* [Symbolism of Animals in the Slavic Folk Tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 912 p. (In Russ.)
- 12 Demkova N.S. *Srednevekovaia russkaia literatura: Poetika, interpretatsii, istochniki* [Medieval Russian Literature: Poetics, Interpretations, Sources]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 1997. 220 p. (In Russ.)
- 13 Dostoevsky F.M. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. Vol. 7. 848 p. (In Russ.)
- 14 Dostoevsky F.M. Dnevnik pisatelja. 1873. VI. Bobok [Writer's Diary. 1873. VI. Bobok] Dostoevsky F.M. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994, vol. 12, pp. 49–64. (In Russ.)
- 15 Lepakhin V. Ikona v tvorcestve Dostoevskogo “Brat'ia Karamazovy”, “Krotkaia”, “Besy”, “Podrostok”, “Idiot”) [The Icon in the Works of Dostoevsky (“The Brothers Karamazov”, “Meek”, “Demons”, “Teenager”, “Idiot”).] *Dostoevskii. Issledovaniia i materialy* [Dostoevsky. Research and Materials]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, vol. 15, pp. 237–263. (In Russ.)
- 16 Mikhniukevich V.A. *Russkii fol'klor v khudozhestvennoi sisteme F.M. Dostoevskogo* [Russian Folklore in the Artistic System of F.M. Dostoevsky]. Cheliabinsk, Izdatel'stvo Cheliabinskogo universiteta Publ., 1994. 313 p. (In Russ.)
- 17 Morozov I.A. *Zhenit'ba dobra molodtsa* [The Marriage of a Young Man]. Moscow, Labirint Publ., 1998. 352 p. (In Russ.)

- 18 *Petr I. Predaniia, legendy, skazki i anekdoty* [Peter I. Legends, Tales and Jokes], comp., introd., preparation of texts and comm. by I.N. Raikova. Moscow, Sabashnikovy Publ., 1993. 224 p. (In Russ.)
- 19 *Skazki i pesni Chernozemnogo kraia Rossii. Materialy fol'klornoj ekspeditsii 1936 goda, zapisannye v Voronezhskoi i Kurskoi oblastiakh* [Tales and Songs of the Black Earth Region of Russia. Materials of the 1936 Folklore Expedition Recorded in the Voronezh and Kursk Regions], comp. T.F. Pukhova. Voronezh, Tsentri dukhovnogo vozrozhdeniia Chernozemnogo kraia Publ., 2006. 264 p. (In Russ.)
- 20 *Skomorokhi v pamiatnikakh pis'mennosti* [Buffoons in Ancient Records], comp. Z.I. Vlasova, E.P. Frensis. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2007. 680 p. (In Russ.)
- 21 Smilianskaia E.B. *Volshebnyki. Bogokhul'niki. Eretiki. Narodnaia religioznost' i "dukhovnye prestupleniia" v Rossii XVIII v.* [Wizards. Blasphemers. Heretics. Religiousness of the People and "Spiritual Crimes" in Russia in the 18th Century]. Moscow, Indrik Publ., 2003. 462 p. (In Russ.)
- 22 *SUS – Sravnitel'nyi ukazatel' siuzhetov: Vostochnoslaviiskaia skazka* [Comparative Index of Plots: East Slavic Fable], comp. L.G. Barag, I.P. Berezovskii, K.P. Kabashnikov, N.V. Novikov. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 437 p. (In Russ.)
- 23 Toporov V.N. "Muzy": soobrazheniia ob imeni i predistorii obraza ["Muses": Considerations about the Name and Background of the Image]. *Iz rabot moskovskogo semioticheskogo kruga* [From the Works of the Moscow Semiotic Circle]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1997, pp. 257–299. (In Russ.)
- 24 Tunimanov V.A. Rasskazchik v "Besakh" Dostoevskogo [Narrator in Dostoevsky's "Demons"]. *Issledovaniia po poetike i stilistike* [Studies on Poetics and Stylistics]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, pp. 87–162. (In Russ.)
- 25 Kharatian Z.V. Kul'tovye motivy semeinykh obychev i obriadov u armian [Cult Motifs of Home Customs and Rites among Armenians]. *Armiiskaia etnografiia i fol'klor: materialy i issledovaniia* [Armenian Ethnography and Folklore: Materials and Research]. Erevan, AN Armiiskoi SSR Publ., 1989. Issue 17. 198 p. (In Russ.)
- 26 *Tsarskii shut Balakirev. Ego prodelki i zabavy* [Royal Jester Balakirev. His Tricks and Jokes], comp. E.V. Anisimov. Leningrad, Lenizdat Publ., 1990. 190 p. (In Russ.)
- 27 Shamin S.M. "Donosheniia" voronezhskogo sviashchennika Savvy Ivanovicha Dugina v dokumentakh Tainoi kantseliarii ["Reports" of the Voronezh Priest Savva Ivanovich Dugin in the Documents of the Secret Chancellery]. *Vestnik tserkovnoi istorii*, 2015, vol. 3/4 (39/40), pp. 97–147. (In Russ.)
- 28 Shamin S.M. Tsirk tsarevicha Alekseia Mikhailovicha [Circus of Young Tzar Alexei Mikhailovich]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2016, vol. 2 (20), pp. 136–151. (In Russ.)
- 29 Shishkov V.Ia. *Khrenovinka. Shuteinye rasskazy i povesti* [A bit of Horseradish. Joke Stories and Novels]. Novosibirsk, Novosibirskaya kniga Publ., 1996. 384 p. (In Russ.)
- 30 ATU – Uther H.-J. *The Types of International Folktales*. Helsinki, Suomal. Tiedeakat, 2004. Vol. I–III. (In English)